

ТРУД ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ, ИЛИ О ПРИНУЖДЕНИИ В ЛУЧШЕМ ОБЩЕСТВЕ*

*ШМИД Герман - профессор Института социальных наук Университета города Роскнльде (Дания),
сопредседатель Датской социологической ассоциации.*

По мнению классиков марксизма, социализм означает освобождение труда. Освобождение от принудительного характера наемного труда, от капиталистической эксплуатации и "технического рабства", превративших человека в придаток машины, наконец, от должностной иерархии и господства буржуазии. Альтернативой выступало рабочее самоуправление, распространяющееся на сферу производства и все общество. Когда угнетенный говорит о принуждении, это выглядит естественно. Но почему бы не поставить вопрос о роли принуждения и его формах в свободном демократическом социалистическом обществе, которое мы всегда хотели построить?

Можно, как делает исторический материализм, рассматривать в свете принуждения жизнь и воспроизводство индивида, его семьи и родственников, относя материальное принуждение к сфере обеспечения средств существования. Такое принуждение, видимо, никогда не исчезнет. Оно осуществляется общественной организацией, самим способом производства. Здесь естественное принуждение превращается в общественное и осуществляется оно одними людьми в процессе господства над другими.

Принуждение к труду в период реального социализма

Смысл революции 1917 г. состоял в освобождении не только от политического гнета царизма, но также от капиталистической системы наемного труда и экономической эксплуатации. Правда, и позже естественное принуждение сохранялось, несмотря на революционные лозунги о свободе. Оно еще больше усилилось. В какие общественные формы это должно было облекаться? Как должно было осуществляться принуждение в новом государстве, когда царизм свергнут, а рабство наемного труда заменено властью рабочих?

Ответ был дан в форме *диктатуры пролетариата*. Она должна была осуществлять необходимое принуждение в течение короткого переходного периода. А что потом?

Съезд партии в 1921 г. констатировал, что ответ на вопрос не найден. Рабочие коммуны действовали не так, как им следовало согласно социалистической теории. Основная масса населения продолжала жить в деревне в условиях докапиталистических традиций. Не сбылись надежды на мировую революцию. Началось планомерное отступление. С приходом эпохского капитализма рыночный механизм стал инструментом в борьбе против докапиталистических форм экономики.

Постепенно выростала новая система там, где внеэкономическое физическое принуждение царизма отменялось в диалектическом смысле, т.е. одновременно сохранялось и изменялось. Появился централизованный государственно-бюрократический порядок принуждения, который постепенно вытеснил и капиталистический рынок, и традиционный уклад деревни. Однако капиталистическая фабричная система не только сохранилась, но и распространилась на всю империю. Ленин представлял Тэйлора в качестве образца с таким энтузиазмом и безоговорочностью, что это удивляло правых социалистов. В свое

* В оригинале "хорошее" общество, мы же переводим как "лучшее", поскольку в контексте улавливается сравнительный смысл.

время Маркс осудил систему наемного труда и довольно резко. Правда, он исходил при этом из урбанизированного рабочего класса, уходящего корнями в ремесленный труд и профессиональные союзы. Ленин же оказался в совершенно иной ситуации. Массы рабочих в советском государстве были новоиспеченными наемными работниками, с традиционным мышлением и знанием, они не прошли школу индустриальной дисциплины, не обладали современным ощущением времени ("время - деньги"), не имели опыта политического и экономического самоуправления. Это те проблемы, которые потом встали в связи с процессом индустриализации в странах третьего мира. Вот почему был интересен тейлоризм, возникший как средство переквалификации рабочих и приспособления их к требованиям индустриальной организации труда. После того как немецкие, французские и английские идеи местного рабочего самоуправления не смогли осуществиться в форме дееспособных рабочих коммун, осталось одно - воспитать индустриальный рабочий класс при помощи наиболее прогрессивных методов науки о труде.

Другое дело, что это вступило в противоречие с убеждениями марксистов о том, что освобождение рабочего класса - дело рук самого рабочего класса.

Считается, что тэйлоризм оказался не таким эффективным на советских фабриках, как на американских. Известно большое количество научных отчетов, доказывающих, что интенсивность труда и плотность рабочего времени в СССР не достигли западных норм. Можно спросить, почему такое произошло? Почему тоталитарная система в глубоком смысле слова, т.е. тэйлоровская организация труда, не действовала в обществе, которое в целом организовано по тоталитарным, иерархическим и квазинаучным принципам?

Возможно следующее объяснение: люди в обществе реального социализма оказались под политико-административным гнетом, а механизмы принуждения в трудовой сфере и за воротами фабрики не были эффективными. Может быть, гарантии занятости и отсутствие открытой безработицы превратили внутривыпускную дисциплину в неразрешимую проблему. Может быть, принуждение в фабричной системе существует только при сохранении угрозы увольнения? Не потому ли именно в этом вопросе прибегли к идеологической манипуляции? Я имею в виду то, как избирались герои фабрики и чествовались лучшие рабочие. Однако идеальные образы идеологического принуждения, кажется, так и не интегрировались в народное представление о морали. Короче говоря, механизмы принуждения командной экономики оказались значительно менее эффективными, чем капиталистические.

Как должно выглядеть принуждение в лучшем обществе?

Мы подошли к основному вопросу: как в лучшем обществе "естественное принуждение" превращается в общественное? Что заставляет людей трудиться при социализме? Как заставить людей работать и сотрудничать в общественно организованных формах в действительно демократическом обществе? Нужно ли использовать административное принуждение для реализации политических решений и как такое должно осуществляться (кем и против кого)? Речь может идти, например, об обязанности граждан выполнять часть неприятного, но необходимого труда, как предположил Андре Горц и, кажется, думали Маркс с Энгельсом, в "Коммунистическом манифесте" выдвинувшие требование "одинаковой трудовой повинности для всех".

А, может быть, лучше использовать в качестве экономического принуждения рынок? Так думали сторонники "социалистической рыночной экономики", считавшие, что постоянный рабочий контроль на предприятии возможен в условиях частичного допущения конкуренции и частной собственности. Но подобное означает, что сохранился рынок рабочей силы, а угроза безработицы является важным дисциплинирующим фактором. Можно было бы подумать и о рыночных формах организации предприятий и рабочих мест. А может быть сделать ставку на идеологическое управление волей и мотивацией людей через институт образования, психологическую обработку, массивную дезинформацию, добиваясь ритуального согласия? Этот путь эффективнее, чем фабрициация героев труда в

СССР и проведение идеологических кампаний в Китае. А возможно и эффективнее экспериментов менеджмента с "культурой предприятий".

Как сделать так, чтобы народ хотел трудиться на тех условиях и в тех обстоятельствах, которые общество способно ему предоставить? Как сделать, чтобы люди день за днем в течение всей жизни делали необходимые вещи, чтобы их трудовой вклад соединялся в динамическое общественное целое?

Очевидно, что нам нужно обсудить как минимум две проблемы. Микропроблему мотивации к труду: что заставляет человека работать против воли. И макропроблему: какие институциональные формы координации и управления целым можно предположить. Обычно вторую мы обсуждаем в рамках дискуссии о плане и рынке, системе и законах развития. Я ограничусь проблемой освобождения труда.

Доброе принуждение

Начну с вопроса о желании трудиться и принуждении к труду. Как социалисту, мне не нравятся те механизмы принуждения, о которых я говорил. Не думаю, что политические и административные органы могут заставить кого-либо работать, не получая в ответ на принуждение активное или пассивное сопротивление.

Мне не нравится слепое принуждение рынка, поскольку оно отделяет меня от тех, с кем я хочу солидаризироваться. Это превращает меня в объект экономики, угрожает моему качеству жизни. Я хочу избежать идеологических манипуляций, они недостойны демократии. В конечном счете действительность всегда побеждает идеологические теории. Мне нравится гармоничное соединение политикоадминистративных органов и рыночных механизмов.

Известны многочисленные примеры того, как трудящиеся работали до изнеможения, при этом не испытывая на себе ни один из тех типов принуждения, на которые я кратко указывал. Первый тип в классификации - мелкий буржуа, самостоятельный крестьянин, ремесленник, хозяин магазина, подрядчик, художник и пр., т.е. все те, кто готов работать с раннего утра до позднего вечера - часто за очень скромное вознаграждение. Причем без всякого принуждения с чьей-либо стороны. Хотя они подчиняются требованиям рынка и свобода ограничена политическими решениями и административными правилами, но сами по себе ни рыночные требования, ни политические власти не мотивируют их к труду. Наоборот, чаще они создают множество препятствий, нежели помогают. Что же движет мелким буржуа и заставляет его выполнять утомительную работу?

Второй тип - современный наемный работник - профессиональный функционер с высшим образованием. Он трудится самостоятельно, без непосредственного руководства или сверхжесткого контроля со стороны вышестоящего начальства. Ему присуща высокая степень идентификации со своей работой, поэтому он часто берет работу домой, затрачивая на нее вне рабочее время, ущемляя интересы семьи и потребности досуга. Речь может идти о заведующем конторой, городском архитекторе, ученом, консультанте или специалисте в области счетно-вычислительной техники. Можно подумать, что ими движет представление о блестящей карьере. Но есть столько же примеров, говорящих о противном. И здесь мотивация к труду удивительно сильна несмотря на то, что ни власти, ни рынок, ни идеологическое управление не играют какой-либо роли как объясняющий фактор.

Третий исторический тип уходит корнями в современность. Я думаю о тех людях (преимущественно женщинах), кто ухаживает за больными и престарелыми, трудится в сфере социальной помощи, воспитания и образования, оказывает консультативные услуги, находясь при этом на государственной службе либо на частном найме. Они работают не только ради зарплаты, но и ради своих пациентов, учеников, клиентов, покупателей, взаимодействие с которыми создает диалог, присутствие и идентификацию. Они не могут, как наемный работник, делать работу против своей воли - лишь по принуждению. Многие происходят по собственной воле, чем широко пользуются те работодатели, которые недоплачивают им. В этом случае говорят о "призвании", обозначающем "внутреннее принуждение". Оно превращает обычный механизм принуждения в побочный момент.

Таким образом, три разных типа иллюстрируют одно и то же явление - "свободное" и почти необузданное желание выполнять тяжелую работу. Хотя я использовал выражение "свободная воля", однако эти "собственные работники" (за недостатком лучшего названия) несвободны, как несвободны рабы физического принуждения, наемные работники экономического принуждения и члены бригад идеологического принуждения. Что же управляет самостоятельными рабочими?

Может быть дело в экономическом принуждении? Ведь мы привычно объясняем всякое рациональное действие через экономический расчет. Конечно, можно сказать, что самостоятельный крестьянин сеет, растит и собирает урожай под давлением материальной нужды. Но если крестьянин расплатился с займом, сокращает ли он производство? Материальное ли принуждение заставляет архитектора использовать свой отпуск для изучения других городов? Из-за заработка ли преподаватель группы продленного дня становится преподавателем физкультуры в свободное время, уничтожая границу между трудом и досугом? И все же принуждение здесь есть, но это принуждение общественное. Не административное, экономическое или идеологическое, но именно общественное, т.е. не индивидуальное. Но что это за принуждение, которое кажется совместимым с той свободой, которую человек может потребовать от лучшего общества и которое, тем не менее, столь сильно и настоятельно? Я буду называть его "вещественным принуждением".

Оно возникает потому, что определенная практика, определенный созданный обществом образ действий содержит внутреннюю логику, которая осуществляет принуждение по отношению к тому, кто занимается практикой. Это такое принуждение, которое действует с той же очевидностью, с какой действует родитель, меняющий пеленки своему ребенку. Здесь нет приказа извне, но нет и доброй воли, поскольку ситуация не оставляет свободы выбора. Подобной логике мы подчиняемся на транспорте в современном городе. Нами руководят не правила дорожного движения. Они - лишь отражение той необходимости, которой мы подчиняемся как участники движения. Мы ведем машину так, как "должны" вести. Мы совершаем поступки не из-за страха перед полицейским и не по доброй воле, но из-за присущего нам чувства реальности.

Так происходит почти со всяким социальным действием. Социологи называют его "нормативным". Они думают, что мы действуем так, как мы действуем, поскольку есть нормы, которые предписывают, как мы должны поступать. Однако в действительности происходит все наоборот. Существуют действительные отношения, вещи и поступки, к которым мы приспосабливаемся. Нормы лишь позже показывают, что мы были правы.

Исторические возможности

Вернемся к нашему вопросу. Как можно создать общество, где мы выполняли бы необходимые задания из-за "внутреннего" принуждения, общество, где мы идентифицируем себя с заданиями и выполняем их как само собой разумеющееся, так же, как мы естественно заботимся о наших детях (даже в тех ситуациях, где мы этого не "хотим")? Короче говоря, общество, где внешнее принуждение только определяет те рамки, в которых мы действуем естественным солидарным образом, даже если бы нам этого не "хотелось".

Есть ли условия, которые предопределяют развитие в сторону самоуправляемой общественной жизни, по крайней мере в тех странах, которые решили проблему первоначального накопления и построили развитую индустриальную базу? Я думаю, есть. В заключение укажу на некоторые из них.

1. Военно-политическая, государственная система в наше время изменяется. Развитие ядерной технологии привело к тому, что лишь оборонительные стратегии являются рациональными, мирное сосуществование выступает в качестве высшего общего интереса. Это означает ослабление авторитета государственной власти, а тем самым способности государства навязывать населению свои решения. Все сложнее руководить обществом с помощью административного принуждения.

2. Научно-техническая революция и особенно развитие компьютерной техники создали совершенно новые возможности координации и управления. Крупные иерархические

централизованные системы в производстве и управлении, которые были характерны для "фордистского" общества, становятся ненужными. Их место занимают децентрализованные системы с горизонтальными связями. Собственно и к трудящимся предъявляются новые требования: ответственность, качество работы, самостоятельность, идентификация с целями и смыслом работы. Их нельзя достичь с помощью классических форм принуждения к труду. Нужны новые способы, базирующиеся на самостоятельности и самомотивировании. Особенно явными будут изменения в тех отраслях и секторах, где велика доля услуг (особенно работы по предоставлению индивидуальных услуг). Здесь персонал перестал быть "рабочей силой", он выступает посредником, который совместно с потребителем создает и реализует плоды труда.

3. С предшествующими факторами тесно связана та волна демократизации, которая захлестнула многие страны и режимы в последние десятилетия. Диктатура и власть меньшинства утверждаются в регионах, которые находятся в бедственном положении, где нужна быстрая мобилизация сил. Но в экономически развитых странах, которые не подвергаются военной угрозе, требуются более гибкие формы правления. Демократия станет не только средством решения политических проблем, но и самоцелью.

Перевод Н. ПЛЕВАКО